

12+

Святослав Олейников

Вечный Двигатель Лета

Святослав Игоревич Олейников

Вечный двигатель лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40516881

SelfPub; 2019

Аннотация

Цикл рассказов, повествующих о далеком будущем, в котором не осталось места человечности. Много было принесено в жертву на алтарь науки во имя выживания. Способно ли биться живое сердце, если плоть стала железом, а разум – компьютером. Есть ли место душе в человеке, который отринул свой облик? И кем же в итоге станут новые люди?

Содержание

Экспонат	4
Художник	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Экспонат

– Ну ладно, ребята, по последней!

Эван Мейер засмеялся и осушил бокал пива до дна. Его покачнуло, парень едва не упал, однако друзья подхватили под руки и усадили на стул.

– Фу-ух! – выдохнул Мейер, – Пожалуй, хватит. Утром на работу.

– Не переживай ты так, – весело отозвался Майк, – успеешь еще. В конце концов, я завтра уезжаю, мы ведь долго не увидимся. Стоит задержаться, разве нет?

Эван посидел в раздумьях несколько минут, рассеянно улыбаясь. После чего решительно кивнул.

– Ну, хорошо – все радостно засмеялись – в конце концов, что плохого может случиться?..

Эван Мейер окончательно проснулся лишь за рабочим столом. Поморгав, вскочил, словно ужаленный, и был крайне взволнован, поскольку не помнил ничего из того, что было накануне. Потерев затылок, торопливо принялся за работу, делая вид, что только что пришел. Но текст расплывался перед глазами, парень никак не мог сосредоточиться.

«Нет, это невозможно! – подумал Эван, сдавливая ладонями виски, которые разламывала ужасная мигрень. – Нужно выпить кофе, может, полегчает».

Мейер пересек длинный коридор и направился в кафетерий. По пути он пытался вспомнить происшествия вчерашней ночи, но тщетно. В памяти зиял сплошной провал.

Эван дернул ручку и услышал, как гудит автомат. Тихий гул кофеварки отдавался в голове колоколом, руки дрожали, внезапно подкатили непрошеные слезы. Точнее, раздражение из-за неведомо откуда взявшейся пыли.

– Ты слышала ведь, да? – донесся голос из коридора. – Кто-то украл его!

– Прямоком из музея, странно, не правда ли?

Двое сотрудников зашли в кафетерий, вежливо улыбнувшись Эвану. Это были две девушки, весьма молодые и, по всей видимости, новенькие.

– Да-да, все газеты трубят! – подхватила та, что постарше, – кто-то ночью проник в музей и украл экспонат! Немыслимо!

– Такая редкая вещь... – задумчиво протянула подруга, – подобных, наверное, и не осталось в мире.

– Да, это верно.

Эван не заметил, что, слушая сотрудниц, уже машинально размешивает сахар в стаканчике с напитком. Он стоял к ним спиной и пытался услышать как можно больше. Девушки продолжали говорить о краже, а Мейер тихо пил кофе...

Он очнулся в туалетной кабинке, на закрытой крышке унитаза. Дверь заперта на щеколду, в руке – стаканчик с остывшим кофе. В висках бухал молот, во рту растекался

противный привкус сладкого напитка. Отшвырнув стаканчик, Мейер снова стиснул руками голову, силясь унять мигрень. Его затрясло, воспоминания о том, как зашел в туалет, как очутился на работе, что было прошлой ночью, терялись в тумане. В памяти невольно всплыл рассказ о краже экспоната.

«Глупости! – торопливо прогнал мрачные мысли. – Это не имеет никакого отношения к тому, что было вчера. Надо вернуться к работе, и все наладится».

Весь день казался Эвану смутной тенью. Вторично он пришел в себя уже на остановке, в тишине летнего вечера. Давила духота, рубашка взмокла от пота и изрядно помялась. Осторожно огляделся. По улицам сновали люди, прохожие мило прогуливались и весело болтали, никому не было никакого дела до одинокого парня на скамейке. Мейер поднял голову, в надежде увидеть звезды, но небо казалось черным. Впрочем, сильно слепили фонари... На глаза попала яркая вывеска небольшой забегаловки, и Эван решил пропустить рюмочку, чтобы унять, наконец, эту изматывающую головную боль.

Колокольчик на двери громко звякнул, завсегда и кафе с любопытством уставились на вошедшего. Игнорируя взгляды, Мейер устало доплелся до столика и, плюхнувшись на стул, заказал выпивку. Через несколько секунд перед носом возник бокал, наполненный спасительной жидкостью. И пока Эван сидел и медленно потягивал выпивку, до него до-

неслось:

– Так что с этим экспонатом-то? Ведь он уникален!

– Редкость, – охотно согласился бармен, – помню, я еще, будучи ребенком, частенько заходил на него посмотреть. Давно это было...

– Не думаю, что это вот так просто оставят, – продолжил дискуссию молодой парень, сидящий неподалеку от Эвана, – в конце концов, бежать с этим экспонатом некуда, из города не вынести – словят. Кто хоть украл, известно?

– Говорят, какие-то пьяницы, – лениво пожал плечами бармен, протирая стаканы, – и что интересно: сработали все сигнализации, а им хоть бы хны! Скрылись, да еще и экспонат успели прихватить.

Внутри у Эвана все похолодело. Он попытался еще раз вспомнить вчерашний вечер, но не смог, как ни старался. Невольно представились залы музея, словно какое-то размытое воспоминание...

Мейер дернул головой, прогоняя мысли прочь, залпом проглотил выпивку, на секунду задохнулся от ожога спиртом, и, бросив на столик купюру, торопливо покинул заведение. Скрывшись за углом, перешел на легкий бег, на автопилоте добрался до своего дома. Все опять расплывалось в тумане, и здание казалось иным, и подъезд, и ступени... На глаза давил невидимый груз, рука машинально дернулась к карману за телефоном, но его не оказалось. Видимо, остался в квартире. И вот, он уже видел дверь в конце коридора, как

вдруг...

– Ну, вот и вы.

Металлический голос заставил вздрогнуть, Эванс пришел в себя и резко оглянулся. Голос доносился из глубины коридора, внезапно, дополняя его, из темноты возникли люди в черной униформе, лица закрывали шлемы военного образца.

– Кто вы? – прошелестел сухими губами парень, прижимаясь к стене. Сил вынести еще одно потрясение этого дня уже попросту не было.

– Мистер Мейер, – мягко обратилась к нему идущая впереди женщина, ее голос был доброжелательным, но каким-то странным, более похожим на компьютерный эффект, – не бойтесь. Мы не сделаем вам ничего плохого. Поверьте, сейчас вам лучше пройти с нами.

Эван сидел в небольшом зале, маленькое кресло было довольно удобным, хоть и странной конструкции. Из окна открывался вид на залитые светом фонарей улицы. Головная боль не желала проходить, и Мейер приложил много усилий, чтобы сквозь нее свободно думать.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий мужчина в бежевом костюме, его кожа удивительным образом напоминала ослепительно белую бумагу.

– Мистер Мейер, – приблизившись, выговорил незнакомец с трепетом в голосе, – будем знакомы, меня зовут мистер Алоиз Гринграс. Я – директор музея, и для меня честь

говорить с Вами.

– Почему я здесь? – растерянно прошептал гость.

– Вы... – осекся директор, – Вы не знаете, верно?

– Подозреваете меня в краже экспоната?

– Эм... – протянул Гринграс, а затем улыбнулся, – нет.

Вовсе нет. Видите ли... Дело в том, что экспонат – это Вы.

Повисла тягучая тишина. Эван испустил нервный смешок.

– Неудачная шутка?

– Нет, – без тени улыбки продолжал Гринграс, – если я правильно знаю историю, а я правильно ее знаю, то последнее, что Вы помните, это вечер в кафе с друзьями, так?

– Верно...

– Дело в том, мистер Мейер, – деликатно начал директор, усаживаясь в кресло напротив, – что эта встреча произошла 250 лет назад. Я – один из ведущих историков, которые изучают ваше время, и мне очень повезло найти Вас.

– Что значит «найти»?

– В кругах нашей профессии ходили слухи о последнем древнем человеке. Видите ли, около 70 лет назад озоновый слой стал разрушаться. И этому уже нет возврата. Чтобы спастись в будущем, человечество стало изучать роботехнологию. Результат можете видеть сами.

Гринграс закатал рукав, демонстрируя белоснежную кожу.

– Кожезаменитель. Подобный человеческой коже, но в ре-

альности что-то вроде покрытия роботов.

– Вы стали киборгами? – недоуменно спросил Мейер. Все происходящее казалось ему дурным сном.

– Вовсе нет, – покачал головой Гринграс, – мы просто модернизировали себя. Адаптировали, чтобы выжить, когда озоновый слой будет разрушен.

– Ну, а что со мной произошло?

– Трудно объяснить, но попытаюсь. Я изучал любые истории или упоминания о Вас в документах. И нашел то, что ранее звалось медицинской картой. В ней указывалось: Вас сбила машина, и Вы впали в кому. Когда мы нашли город, где Вы жили, Вы все еще находились там, и – о чудо! – еще не умерли.

Эван помотал головой, отказываясь во все это верить.

– Это шутка! Скажите, что это – просто грубая шутка! Мы ведь сейчас в Техасе, верно?

– Нет, – ровным, безжалостным голосом отчеканил Гринграс, – мы в городе Дистопау. На юге графства Истфолк, которое в Ваше время называлось Чехией.

– А почему не видно звезд?

– Город герметичный. Из пустоши он виден, как большой белый купол.

– Но почему я нашел свое место работы?! Был целый день в кабинете, и никто не обеспокоился присутствием чужого? Как нашел свой дом?!

– Так получилось. Многие города строились по образу и

подобию. С расположением дома, где жили, Вам просто повезло. А насчет офиса – работающих там много. Новичком больше, новичком меньше...

– Но... – мысли Эвана путались, он никак не мог найти вопрос, ответ на который помог бы обрести твердую почву под ногами. – Если Вы говорите правду... Как долго я находился в коме?

– 250 лет. Мы вводили Вам препарат для поддержания функционирования жизненных органов. Не поймите нас превратно, мы не желаем Вам зла. Но и уйти отсюда Вы нигде не сможете. Вы – экспонат. И вы...

Договорить Гринграс не успел. Мейер бессильно застонал, схватившись за виски. Головная боль вновь стала донимать со страшной силой, он изо всех сил стиснул руками череп, зажмурился и неожиданно, даже для самого себя, уснул.

Гринграс выждал минуту, а затем осторожно ввел в шею Мейеру нужный препарат. Гость-пленник мирно спал в кресле. Директор музея вызвал охранников, чтобы они отнесли экспонат на место.

Он бы хотел посочувствовать Мейеру, но не мог. Ему было неведомо это чувство. Как и всему человечеству за прошедшие годы.

Художник

– Существует ли город мечты? Место, где проблемам тебя не достать?

Она прошептала это себе под нос, но он все равно услышал. Эти слова заставили художника оторвать взор от своей работы, но недоверчиво хмыкнув, мастер продолжил рисовать. Девушка лениво повернула голову и слегка приподняла левое колено, поудобнее устраиваясь в раскладном кресле.

Ее зовут Элен Дювон. Родилась в знатной семье города Дистопау, которой принадлежали несколько ресторанов и фамильное поместье Дювон. За этот участок многие из высшей знати могли бы многое отдать, ведь имение хранило огромную ценность: большой балкон с защитным окном – единственное место во всем Дистопау, где можно было увидеть мир, не покидая безопасных стен.

– Неужели вам никогда не хотелось найти такое место?

Она говорила тихо и лениво, беспечно взирая, как он работает. Художник оторвался от своей картины и медленно поднял голову вверх. Он смотрел сквозь защитное стекло, как белые пятна медленно плывут по желтому небесному морю. Наблюдал за тем, как в вечном танце бьется нагретый воздух, который вскоре будет невыносимо горячим, но бесильным кому-то навредить. И все же, каким бы губительным

и катастрофичным не осознавался, мир был прекрасен.

– Нет, – просто ответил художник, – и лишь потому, что я нашел это место.

Что вы знаете об отчаянии? Самое дно Дистопау – вот что он видел. Его зовут Делвин. Художник, брошенный один, сам по себе. Тот день ему вряд ли забыть.

Бар «Шестерня», где живописец провел всю неделю. Одежда напоминала обноски, казалось, что он бездомный бродяга, а не преуспевающий художник. Мать умерла – ровно неделя минула с тех пор, как это случилось, и Делвин усердно топил печаль в Квант-Роме. Не спал ночами, рисовал небо, облака и все, что только мог, только бы не думать о доме, где он сидел, и о том месте, куда завтра вновь пойдет. Делвин рисовал бы и дальше, но существовала одна проблема. Он никогда не видел неба, потому что город был изолирован от внешнего мира. Как и все другие города, соединенные огромными туннелями метро. Однажды в баре он увидел незнакомку в закрытых одеждах. Делвин сокрушенно взглянул на свои белоснежные руки и невольно пробормотал:

– Руки цвета облаков.

Незнакомка откликнулась, но не настолько тихо, чтобы это нельзя было услышать:

– Вы разве видели облака?

– Нет, – наивно ответил Делвин, даже не заботясь, что его могут услышать Черные Коменданты, – Но я бы хотел.

Повисла пауза. Девушка оглянулась, видимо, остерегаясь карательных отрядов, о которых юный художник не удосужился подумать.

– Вы ведь Делвин, верно? – тихо спросила, – Я видела ваши картины.

Однако художник лишь буркнул в ответ что-то невнятное.

– Могу я Вас просить о заказе?

Парень устало кивнул, все еще борясь с сильной депрессией.

– Вот мой адрес. Я хочу, чтобы Вы нарисовали для меня три картины. Подумайте. Буду Вас ждать.

Отчаявшийся деятель искусств лишь махнул рукой, и, сунув в карман протянутую записку, неохотно поплелся домой. Но утром, протрезвев и поразмыслив, все же решил наведаться к незнакомке, даже не подозревая, что его ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.